

## ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ ВОЙСКА ДОНСКОГО

**А.Н. ЛАРИОНОВ,**

*кандидат юридических наук, преподаватель кафедры  
теории и истории государства и права  
Южный федеральный университет*

Исследование хозяйственного базиса донского казачества требует детальной реконструкции институциональной и социальной структуры Войска Донского. Освещение структуры донской экономики XVI–XVII вв. позволит нам не только более полно уяснить суть социально-политических процессов, протекавших в Войске Донском в исследуемый период, но и одновременно оценить экономическую самостоятельность и устойчивость данного человеческого сообщества, от которой напрямую зависит его способность к внутренней самоорганизации и внешней самостоятельности.

Вопрос о том, какими же способами известное своими героическими военными свершениями донское казачество добывало себе средства к существованию, интересовал исследователей донской истории с самых ранних времен. И, несмотря на то, что дошедшие до нас и относящиеся к данному вопросу фактические данные крайне скупы, отечественной историографии все же удалось добиться некоторых успехов в освещении затронутой темы.

Как справедливо отмечается многими исследователями, в силу объективных условий своего повседневного существования, сопряженного с постоянной вооруженной борьбой с воинственными соседями, собственно хозяйственная жизнь донского казачества носила довольно своеобразный характер. В отличие от соседних народов, добывавших средства к существованию либо путем земледелия и оседлого скотоводства, либо скотоводства кочевого, в исследуемый период основной сферой хозяйственной деятельности казачьего населения Дона, по мнению большинства авторов, была присваивающая отрасль: «Любимыми их занятиями были охота, которую они называли гульбой, и рыбная ловля» [17, с. 229]. Ведущая роль добывающей деятельности объяснялась, прежде всего, спецификой занимаемого казачеством региона, дикого и поэтому богатого природными ресурсами, а также особенностями военно-политической обстановки в нем. Так, в условиях постоянной вооруженной борьбы за существование какое-либо продуктивное занятие земледелием было практически невозможно: «Следует добавить, что хлебопашество на Дону и в XVIII в. во многих местах велось под непрерывной угрозой разорительных набегов со стороны турок и татар буквально с оружием в руках» [16, с. 211]. Кроме того, по дошедшим до нас сведениям, на Дону вплоть до конца XVII в. существовал прямой запрет на занятие земледелием. Так, донской Войсковой атаман Фрол Минаев в 1689 г. в расспросных речах говорил следующее: «Беглые приходят к ним на Дон, и на Хопер, и на Медведицу непрестанно... и завели было всякую пашню и они (казаки), увидав то в нынешнем году во время съезду всех казаков великих государей к годовому жалованию, приняли по всем городкам войсковой свой приговор, чтоб никто нигде хлеба не пахали и не сеяли, а если станут пахать, то бить до смерти и грабить, и кто за такое слушание кого убьет и ограбит, и на того суда не давать, и кто хочет пахать, и те б шли в прежние свои места, кто где жил» [13, с. 24] (см. тж. [6, с. 16; 20, с. 11] и др.). Не ясно, чем именно был вызван подобный правовой запрет, однако его последствия очевидны — на Дону в XVI–XVII вв. земледелием не занимались, а весь потребляемый казаками хлеб завозился извне.

Спорным является вопрос о развитии на Дону в рассматриваемый период скотоводства. Прямых указаний на занятие им нет. Однако, принимая во внимание благоприятные особенности местности, а также иные косвенные свидетельства, как, например, большой удельный вес скота в составе военной добычи, а также потребность в содержании коней для осуществления военных мероприятий, многие авторы констатируют наличие скотоводства, и, прежде всего, коневодства, в числе хозяйственных промыслов казаков [20, с. 11; 3, с. 40]. «Правда, из-за опустошительных набегов кочевников оно развивалось очень медленно» [10, с. 109]. В числе хозяйственных занятий казаков называют и некоторые иные промыслы, например пчеловодство (бортничество) ([8, с. 21; 14, с. 24] и др.), однако в целом все перечисленные виды хозяйственной деятельности носили второстепенный характер: «Только в недолгие промежутки отдыха от дальних походов или во время вынужденного обстоятельствами мира казак занимался звероловством и рыболовством» [20, с. 11]. Впрочем, следует констатировать тот факт, что занятие добывающими видами деятельности составляло для донского казачества довольно важный, а в некоторые периоды и основной способ получения средств к существованию.

Второй, наиболее специфический источник, составлявший экономический базис жизнедеятельности донского казачества, был обусловлен его основным видом деятельности — военными мероприятиями. Ни для кого не секрет, что в эпоху античности и средневековья, как, впрочем, отчасти и до настоящего времени, одной из основных задач военных действий, помимо физического поражения противника, является цель обогащения за счет присвоения принадлежащего ему имущества, или попросту грабеж. Не составляли исключения в этом и донские казаки, а в некотором смысле, в силу ограниченности возможностей к занятию иными видами хозяйственной деятельности, даже зачастую выдавались вперед: «Жили набегам. Жили войною, жили добычей» [11, с. 11]. И действительно, не имея оснований полностью отрицать патриотические мотивы в вооруженной борьбе донского казачества с воинственными соседями, следует все же констатировать, что военная добыча занимала в ряду стимулов к этой борьбе также не последнее место. Сразу же нужно определить, что так как материальную выгоду возможно было получить только при осуществлении агрессивных наступательных мероприятий, то эти акции носили двоякий характер — вид сухопутных или морских (речных) походов. Объектами сухопутных нападений являлись кочевые соседи казаков, в связи с чем основной добычей, получаемой от этих мероприятий, был скот [3, с. 40; 9, с. 110]. Впрочем, в силу относительной бедности этого рода противника, его многочисленности, а следовательно, значительной опасности и риска, сухопутные походы не приносили казакам большого дохода. Значительно более популярными были походы морские (речные). Такие мероприятия предпринимались по двум направлениям — на побережье Азовского и Черного морей и на Волгу и Каспийское море. Оба эти направления сулили казакам примерно одинаковые материальные выгоды, однако в силу внешнеполитических обстоятельств имели разный юридический статус. Если нападения на берега Турции и Крыма в основном не вызывали нареканий со стороны основного союзника Войска Донского — Московского государства и в литературе зачастую окрашивались в патриотические тона, то совершенно однотипные им грабительские походы на Волгу именовались «воровством» и официально не раз запрещались властными структурами Войска [15, с. 476]: «Несмотря на то, что между казаками, громившими на Волге и Каспийском море персидские бусы и купеческие насады, и казаками, громившими на Черном море турецкие каторги, не было, по существу, никакой разницы — первые назывались «воровскими», а вторые получали царские жалованье» [24, с. 162]. Тем не менее «походы за зипунами» имели настолько важное экономическое значение для донского казачества, что основная масса исторически известных дипломатических конфликтов с Московским государством имела в качестве своей причины запрет на их осуществление [24, с. 162]. Итак, учитывая такую большую привлекательность военных походов, следует более подробно разобраться в том,

что же именно включалось в содержание понятия «зипун». «Оно (донское казачество — А.Л.) не знало мирных занятий и свой хлеб, одежду, украшения незатейливых жилищ и конской сбруи, военные снаряды — все это добывало с оружием в руках» [20, с. 12]. Иными словами, у поверженного противника изымалось все более или менее ценное. Многому из добытого находилось прямое применение в казачьем хозяйстве, все же остальное подлежало обмену.

Сохранилось довольно много свидетельств, подтверждающих наличие в исследуемый период на Дону довольно развитой торговой инфраструктуры. При этом товарообмен производился как в направлении Московского государства, так и, в мирное время, в сторону Азова, Крыма, ногайцев и калмыков [19, с. 269; 13, с. 15; 18, с. 46]. Имеются также упоминания и об участии в торговле подданных некоторых иных государств (Речи Посполитой) [5, стб. 785, 866]. При этом существуют примеры, когда в силу внешнеполитических обстоятельств торговля приостанавливалась не только с Азовом, Крымом и иными южными и восточными соседями донских казаков, но и с Московским государством. Так было, например, в период царствования Бориса Годунова [4, стб. 248–249]. Однако с воцарением династии Романовых традиционно связывается относительно прочное установление торговых связей Дона с Москвой [19, с. 278], когда северное направление развития товарооборота стало основным, а Войско Донское начало постепенно втягиваться в формирующийся в это время общероссийский рынок [14, с. 30–31]. Торговля Дона с соседями, в основном с соседом северным, осуществлялась в обеих разновидностях, как в виде импортном, так и экспортном, при этом предметом экспорта являлись как раз военная добыча и отчасти продукты добывающей сферы деятельности, импортировалось же все то, что не производилось на Дону, однако было необходимо донскому казачеству : хлеб, оружие, порох, вино и т.п. [13, с. 15; 19, с. 277–278]. Торговля осуществлялась как силами иностранных купцов, так и самими казаками [5, стб. 49, 785, 866], и, соответственно, центрами торговли являлись главное войско и окраинные города Московского государства [13, с. 15; 7, с. 239] и др.). Использовались для торговых целей и дипломатические представительства: «Торговыми караванами являлись посольства, отправлявшиеся из Москвы в Турцию и обратно, и казачьи станицы, посылаемые в Москву» [24, с. 163]. Таким образом, каких-либо существенных проблем со сбытом захваченной военной добычи донское казачество не испытывало.

Отдельно среди видов военной добычи и, соответственно, предметов торговли донского казачества следует выделить так называемый «ясырь». В последнее время в связи с известными событиями и ростом преступности в Северо-Кавказском регионе достоянием общественности стал ряд фактов, свидетельствующих о тех огромных доходах, которые извлекали и продолжают извлекать криминальные элементы из торговли заложниками. Подобное же положение вещей можно констатировать и в рассматриваемый временной промежуток, с тем только исключением, что на Дону и на сопредельных территориях в XVI—XVII вв. торговля живым товаром была практически полностью легальным занятием. Количество пленных, захватывавшихся казаками, поражает : «В 1650 году близ Царьгорода взято 150 человек «ясырю», в 1653 г. в Крыме и Анатолии — около 600 человек, в 1655 г. в Тамани — 100 человек, в 1657 г. около Гезлева (Евпатория) — 600 человек, в 1659 г. в Керче, Бульклее, Керчи и Анатолии — 200 человек» [24, с. 165]. При этом для иллюстрации извлекаемого из работорговли дохода можно привести лишь один пример : «Захваченный вместе с Чеушем «Мартынком зовут Григорьев» сказал, «что того Чеуша, с которым он ехал в Азов, взяли, да с ним же взяли жадыя до карабельщика Ириеза да Чнычек, которые ездили в Хаву для покупки человек з 20. И в Азов де посылали казаки, чтобы они давали на них окуп; и посадили де они тех взятых людей на окуп на 8000 рублей» [24, с. 165]. Таким образом, даже если учесть практическую невозможность объективно оценить объем товарооборота иной военной добычи, следует признать, что один только «ясырь» должен был приносить казакам баснословную прибыль.

При освещении вопроса о военной добыче, как экономической основе жизнедеятельности донского казачества, мы не можем не признать коллективный характер

этой «отрасли хозяйствования», который неизбежно поставит перед нами вопрос о порядке распределения ее результатов. И здесь мнения исследователей расходятся довольно кардинально, что в немалой степени обусловлено пробелом в источниках. Так, в имеющей этнографический характер работе «Русская старина» содержится описание наиболее простого и логичного для данного вида человеческой деятельности порядка раздела добычи: «Наполнив суда свои добычным грузом и пленными, они спешили восвояси, и, остановясь на Дону в некотором расстоянии от главного войска, делили между собою поровну добычу, что называлось дуван дуванить. Пленники поступали в дуван точно так же, как все другия вещи» [17, с. 196]. Такому порядку раздела добычи, когда частные интересы участников фактически ставились в абсолют, противопоставляется мнение о введении некоторого публичного элемента в процесс «дувана»: «Вся военная добыча делилась поровну между всеми казаками с отчислением значительных частей ея на пополнение войсковой «зеленой» казны и на выкуп пленных, а негодныя пушки и отбитое золото и серебро, большею частью, отсылались в монастыри на колокола и оклады икон, почему казаки бывали богатыми лишь на час» [23, с. 115]. Однако практически полное отсутствие фактических данных, прямо или косвенно свидетельствующих о существовании в Войске Донском в исследуемый период времени какой-либо системы обобществления, хранения, раздела и выдачи материальных ценностей, хотя и не может полностью опровергнуть данный взгляд на порядок раздела военной добычи, тем не менее ставит его под довольно большое сомнение.

Подводя итог анализу системы получения и использования военной добычи, нужно признать, что в качестве одного из важнейших недостатков этого способа получения средств к существованию являлась его нерегулярность, которая зачастую зависела от отношений Войска Донского с Московским государством.

Третьим января 1570 г. датируется первая из дошедших до нас царских грамот донским казакам: «Эта грамота считается первою по времени и с нея начинается признанное московскими царями существование войска Донскаго» [20, с. 10]. В этом документе содержалось предложение казакам послужить проводниками царского посла Ивана Новосильцева, следовавшего с посольством к турецкому султану Селиму, до Азова, для чего донцам необходимо было вступить в мирные сношения с «азовским диздарзеферем» [2, с. 1–2]. Уже в грамотах 31 июля 1594 г. это предложение получило большую конкретизацию: «И как к вам ся наша грамота придет, а вы будете с азовскими людьми ныне не в миру, и вы б однолично с азовскими людьми помирились для нашего дела и жили с ними в миру и задору никоторого азовским людем не чинили никоторыми делы, чтоб в том нашему делу и земскому порухи не было и посланнику б нашему у турского салтана задержанья не было...» [2, с. 4–5]. Подобное требование к казакам сохранять мир с Азовом во время пребывания в Турции царских послов являлось основной составляющей так называемой «государевой службы» на протяжении всех XVI–XVII вв. и предполагало определенную материальную компенсацию: «...а мы вас впредь за вашу службу пожалуем своим царским жалованьем» [2, с. 5]. Иными словами, уже с момента установления отношений донского казачества с Москвой сохранение мира с Азовом носило возмездный характер. Впоследствии составляющая службы казаков русскому царю дополнялась и в конце концов в основном состояла из следующих моментов: «...которые будет крымские или азовские люди и Нагаи Казыева улуса пойдут войною на наши Украины, и вы б на них по перевозом на Дону, и на Донце и по иным рекам приходили и над ними промышляли нашим делом, и на улусы нагайские Казыева улуса ходили и к нам вести всякие по часту писали...» [2, с. 4], а также «...и вы-б, атаманы и казаки, и все Войско нам, великому государю, служили, как есте к нам преж сего в своей грамоте писали, шли на наших изменников под Астрахань...» [4, стб. 6б], то есть из защиты окраин Московского государства от набегов воинственных соседей, сообщения сведений об их действиях, а также участия в военных действиях на стороне царских войск. За все эти действия царское правительство и платило казакам жалованье.

Уже в предшествовавшем первой царской грамоте наказе Ивану Новосильцеву сохранилось описание причитавшегося за службу материального вознаграждения: «...и тем атаманом и казаком государево жалованье: деньги, и сукна, и селитра и свинец, для тое посылки, дано» [2, с. 1]. То есть жалованье выдавалось не только в денежном виде, но и путем поставок иных товаров, жизненно необходимых для Войска — боеприпасов, продовольствия (в основном хлеба), сукна и др.

Следует отметить, что на первых порах жалованье выплачивалось лишь тем казакам, которые выполняли конкретные царские поручения, и эти выплаты носили нерегулярный характер. Так в XVI в. казаки получали жалованье в 1571, 1584, 1592, 1593, 1594 гг. [9, с. 103; 8, с. 59]. «Царь Борис Годунов прекратил всякия сношения с Донцами, приказав даже обходиться с ними в России, как с неприятелями, и с того времени до благословеннаго дня восшествия на престол государя Михаила Федоровича Романова, Донское войско только единожды получило жалованье при кратковременном царствовании Шуйскаго (1606 года) 1000 руб. денег, 1000 фун. зелья и 1000 фун. свинцу» [19, с. 273]. И, наконец, ежегодные и более или менее регулярные выплаты Войску Донскому царского жалованья связываются с воцарением династии Романовых и датируются 1613 г. [19, с. 273], 1614 г. [14, с. 304], 1618 г. [1, с. 14]. Однако и на протяжении XVII в. регулярные выплаты жалованья в силу тех или иных причин могли прерываться. Так, с 1613 г. по 1700 г. жалованье не было послано на Дон в следующие годы: 1618–1620, 1625–1627, 1629–1631, 1636, 1670 [19, с. 274–276; 23, с. 153]). Тем не менее, государево жалованье в XVI–XVII вв. являлось для донских казаков более или менее регулярным источником дохода.

Дошедшие до нас документальные источники позволяют довольно четко восстановить также количественные характеристики присылавшегося на Дон в XVII в. царского жалованья. «Итак, при царе Михаиле Федоровиче обыкновенное годовое жалованье простиралось:

Деньгами от одной до двух тысяч рублей; хлебом от 200 до 400 четвертей; боевыми припасами от 90 до 160 пудов и сукном от 23 до 40 поставов.

При Алексее Михайловиче:

Деньгами от двух до четырех тысяч рублей; хлебом от 2 т. до 5 т. четвертей; боевыми запасами от 150 до 300 пудов и сукном от 100 до 300 поставов.

При царе Феодоре Алексеевиче:

Деньгами четыре тысячи пятьсот рублей; провиантом 6 т. четвертей; вина 400 ведер; военных запасов 300 пудов и сукна 400 поставов.

При царях Иоанне и Петре и во время самодержавия Петра до 1700 года.

Денег пять тысяч рублей; провианта 6500 четвертей; вина 500 ведер; пороху 230 пудов; свинцу 115 пудов; сукна 480 поставов» [19, с. 276–277].

Представленная в труде «Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–32 годах» реконструкция количественных характеристик царского жалованья является наиболее полной и охватывает период времени с 1613 г. по 1700 г. Все иные подсчеты, разнясь с первым в конкретных числах, что может быть объяснено рядом факторов, выражающих авторские взгляды при работе с источниками — отчетами о выдаваемом казакам жалованье, находящимися среди документов Посольского приказа, тем не менее в усредненных характеристиках очень сходны. Так, анализируя суммы денежного жалованья, приведенные в указанной работе, получаем следующие цифры:

1613–1645 гг. — 52 100 руб., или 1 628,1 руб. в год;

1646–1675 гг. — 111 150 руб., или 3 833 руб. в год;

1676–1682 гг. — 30 000 руб., или 5 000 руб. в год;

1683–1689 гг. — 36 030 руб., или 6 005 руб. в год;

1690–1700 гг. — 55 315 руб., или 5 531,5 руб. в год, из чего складывается средняя цифра, характеризующая ежегодное жалованье, — 4 399,5 руб. в год [19, с. 274–276].

По подсчетам, проведенным профессором А.И. Козловым в работе «Возрождение казачества. История и современность. (Эволюция, политика, теория)», конкретные цифры, характеризующие жалование по периодам, несколько иные:

С 1646 по 1675 г., царствование Алексея Михайловича — 96 650 руб., или 3 333 руб. в год.

С 1676 по 1682 г., царствование Федора Алексеевича — 26 000 руб., или 4 333 руб. в год.

С 1682 по 1689 г., при царях Иоанне и Петре Алексеевичах — 34 500 руб., или 4 928,5 руб. в год.

С 1691 по 1700 год, в правление Петра I — 53 560 руб., или 5 951,1 руб. в год. Тем не менее получаемая усредненная цифра годового жалования примерно такая же, как и в первом случае — 4 636,4 руб. в год [12, с. 72].

И наконец, по реконструкции, проведенной В.Г. Дружининым за период с 1651 по 1691 гг., получаем следующие характеристики царского жалования :

1651 — 1675 гг. — 77 250 руб., или 3 218,75 руб. в год;

1676 — 1682 гг. — 27 300 руб., или 4 550 руб. в год;

1683 — 1689 гг. — 35 000 руб., или 5 833,3 руб. в год;

1690 — 1691 гг. — 10 000 руб., или 5 000 руб. в год. Средняя цифра годового царского жалования составит 4 650,5 руб. в год [6, с. 229–232].

Таким образом, принимая во внимание подсчеты всех указанных авторов, получаем среднюю цифру годового денежного жалования, выдававшегося донским казакам в период с 1613 г. по 1700 г. — 4 562 руб. в год. В пересчете на усредненную же цифру, характеризующую количество донских казаков (12 500 чел.), получаем в среднем по 36,5 коп. на человека — сумму не такую уж большую, даже если увеличить ее вдвое. Однако некоторые авторы считают, что государево жалование было вполне в состоянии обеспечить донских казаков всем необходимым: «Таким образом, в жалование того времени входит провиант, обмундирование, военные припасы и, наконец, денежное вознаграждение. Следовательно, когда речь идет о жаловании, то надо иметь в виду, что речь идет не только об уплате денежного и хлебного вознаграждения, но также и о снабжении войска всем необходимым, до ядер включительно» [24, с. 152–153]. Эта точка зрения имеет под собой некоторые основания, если учитывать уровень цен и заработной платы того времени: «В 40-х годах жалование дворянину колебалось от 18 до 74 руб. в год. Так, князь Белосельский получал 18 руб., Желябужский — 70 руб., Кондырев — 74 руб. В 1646 году вольные люди набирались в Тамбове на службу на Дон по 5 руб. человеку «на платье, на запас и на пищали», т.е. со своим вооружением, снаряжением и на своем содержании, с государевой пищалью вольные люди получали 3 руб. 50 к. и шли служить за 3 и даже за 2 руб. в год. В переводе на язык конца XIX века в начале XVII в. атаманы получали 48 руб., а казаки — 36 руб., кроме провианта и обмундирования.

Чтобы составить себе представление о заработной плате того времени и о ценах, приведем, по исчислению Ключевского, некоторые примеры. В конце XVI века Комельский монастырь на севере платил своему сапожному мастеру при его платье 90 коп. в год, швец получал 105 коп., другой мастеровой — 45 коп. Средняя плата равнялась 110 коп. и была в 61 раз меньше платы сельского работника 1882 года. В XVII в. плата подмастерью в Москве не превышала на хозяйских харчах и квартире 5–10 руб. в год... Но и цены того времени были чрезвычайно низки: в XVI в. лошадь в Вологде стоила от 60 до 88 коп., а в Москве 138 коп., по указанным ценам рабочая лошадь стоила 150 коп., корова 100 коп., овца 10 коп., курица стоила 18 коп., овчины 6 коп., сотня яиц 5 коп. Голод 1601 г. послужил причиной подъема цен, в Москве цена за четверть хлеба поднялась с 20 денег до 3 руб., повышаясь даже до 7 и 9 руб. при Шуйском» [24, с. 155].

И тем не менее, даже учитывая такого рода арифметику, следует принимать во внимание следующие моменты.

Во-первых, как было показано выше, за все XVII столетие, в основном до середины 30-х гг., донское казачество не получало жалованья в общей сложности 23 года, в связи с чем такое достоинство этого источника получения средств к существованию, как регулярность, также может быть поставлено под сомнение.

Во-вторых, даже учитывая все недостатки усредненного анализа и низкий уровень цен и заработной платы того времени, приведенная цифра годового дохода рядового казака все же была довольно низкой, что не вполне соответствовало бы его служилому положению в Московском государстве и опасности его повседневной жизни.

И, в-третьих, следует иметь в виду также определенные недостатки в системе распределения жалованья, особенно характерные для последней трети XVII в., когда оно в основном доставалось казачьей верхушке [16, с. 209].

Таким образом, назвать государево жалованье основным источником существования донского казачества в XVI–XVII вв. не представляется возможным, что, в свою очередь, довольно хорошо объясняет негативную реакцию казаков на попытки Московского правительства ограничить иные источники их дохода, в частности, военную добычу.

Кроме рассмотренного выше государева жалованья, выдававшегося Войску в целом, казаки могли получать вознаграждение за иные разовые поручения. Так, довольно большое вознаграждение сулило участие в посольствах в Москву (легких и зимовых станицах) [5, с. 27–29, 183–186], а также участие в военных действиях на стороне Москвы: «За поход под Чигирин в 1678 г., в который отправился 401 казак, помимо всего прочего, было пожаловано атаману и полковнику по 6 руб., 2 есаулам — по 5 руб., рядовым — по 4 руб. А в следующем, 1680 г., за поход на Крым атаманы получили по 7 руб., есаулы — по 6, рядовые — по 5 руб.» [12, с. 73]. Однако эти доходы носили еще более нерегулярный и невсеобщий характер, чем общее жалованье.

Итак, на этих рассмотренных трех китах (добывающая деятельность, военная добыча и государево жалованье) и базировалась донская экономика XVI–XVII вв. Из подобной структуры хозяйственной деятельности вытекала одна из основных ее характерных черт — неустойчивость. Она была обусловлена рядом факторов, первым из которых можно назвать другую характерную черту донской экономики — ее несамодостаточность. Так, любой более или менее продолжительный перебой в снабжении мог вызвать и вызывал экономический, а вслед за ним и социальный кризис на Дону, что подтверждается множеством свидетельств, как, например, датированная 10 сентября 1640 г. Войсковая отписка, в которой казаки писали, что они «...наги, и босы, и голодни, а от тебя, праведного государя, к нам, холопам твоим, на сей год хлебного запаса твоего царского жалованья, не было, а с Руси торговые люди з запасы к нам не бывали» [5, стб. 49].

Еще одним моментом, влиявшим на устойчивость экономической структуры, являлся тот факт, что в отличие от более традиционных способов хозяйствования экономическое благополучие Войска Донского в основном зависело от внешнеполитических факторов, таких как состояние отношений с сопредельными государствами и народами, при этом с Турцией, Крымом и кочевыми соседями казакам выгодно было находиться в состоянии войны, а с Московским государством, напротив, сохранять добрососедские отношения. Соблюдать подобный дипломатический баланс не всегда было возможно, что также порождало ряд экономических и социальных проблем. И, напротив, объективно работая на нарушение соотношения сил в занимаемом им регионе в пользу Московского государства, Войско Донское тем самым вызывало смещение центра тяжести в структуре своей экономики в сторону зависимости от северного соседа, что, в конечном итоге, обусловило его вовлечение не только в общероссийский рынок, но и в политическую структуру Российского государства. Однако завершение этого процесса относится к XVIII столетию. В рассматриваемый же период Войску в целом удавалось сохранять необходимый ему баланс, что обусловило и его политическую самостоятельность.

Из всего изложенного выше становится отчетливо видно, что экономические основы существования донского казачества, как социальной общности людей, во многом зависели от их совместной деятельности, целям обеспечения которой и служила их социальная организация — Войско Донское. И, в свою очередь, само существование Войска Донского как определенной организационной структуры должно было иметь те или иные экономические основы. Как уже отмечалось ранее, в трактовке Ф. Энгельса, выделяемая им в качестве признака государства система налогообложения населения имеет в соответствии с классовой направленностью всей теории ярко выраженный паразитический характер, а именно, служит цели обеспечения существования обособленного от основной массы населения государственного аппарата. В условиях же демократического принципа построения властных органов, отсутствия ярко выраженного отчуждения этих органов от основной массы казачества и вытекающей отсюда системы почетного, не сопряженного с извлечением материальной выгоды, замещения властных должностей признаком наличия тех или иных форм организуемой властью концентрации материальных благ вряд ли может быть найден в указанном классиком марксизма виде. Тем не менее, пусть направленные не на содержание государственного аппарата, но на материальное обеспечение осуществления совместных общевойсковых мероприятий, некоторые формы концентрации необходимых для этих целей материальных ресурсов не могли не существовать. На необходимость их наличия наталкивает, в частности, анализ материального обеспечения морских походов донских казаков: «В начале XVII века донские и запорожские казаки располагали уже довольно большими морскими судами — «чайками», способными выдерживать длительные морские плавания и штормы. На каждую «чайку» составлялся экипаж из 30–50 человек, закаленных и умелых моряков и воинов. «Чайки», как правило, имели по несколько небольших пушечек, вставлявшихся во время боя в укючины весел» [22, с. 75]. Имеются также сведения о наличии в распоряжении Войска артиллерии и кавалерии [10, с. 135–136]. И, несмотря на то, что ряд вопросов материального обеспечения военных походов может быть разрешен путем предположения частного способа такого обеспечения, характерного для последующих временных периодов, когда в обязанности каждого казака входило являться на службу со своим конем, обмундированием, оружием и припасами, а также практически полное молчание источников о наличии в Войске Донском XVI–XVII вв. какого-либо подобия войсковой казны и войсковых материальных запасов, полностью отрицать наличие той или иной системы обобществления, хранения и использования материальных, а возможно, и денежных ресурсов в рассматриваемый период в силу названных причин мы не можем.

В качестве одного из наиболее правдоподобных способов разрешения проблемы материального обеспечения осуществления общевойсковых мероприятий может служить признание существования на Дону в XVI–XVII вв. системы натуральных повинностей в виде общественных работ. Это подтверждает и Боплан: «Опытные во всех ремеслах, необходимых в человеческой жизни, как-то: плотники, умеющие строить как дома, так и суда, экипажные мастера, кузнецы, оружейники, кожевники и шорники, сапожники, бочары, портные и т.п., они очень искусны в изготовлении селитры... Из нее сами делают превосходный порох»... Боплан так описывает сборы: «В Запорожье собирается от 5 до 6 тысяч вооруженных казаков, искусных во всех ремеслах. По 60 человек трудятся около одного челна и отделяют его через 15 дней, так что в две или три недели изготовляют около 80 или 100 судов; в каждом помещается от 4 до 6 фальконетов и от 50 до 70 казаков, из которых всякий имеет саблю, две пищали, 6 фунтов пороха, достаточное количество пуль и квадрант; туда же кладут ядра для фальконетов и необходимые жизненные припасы» [21, с. 87, 88]. И хотя указанные свидетельства относятся к Запорожской Сечи, тем не менее, здесь мы имеем полное право, применив историко-правовой сравнительный метод, предположить существование подобной же системы и в Войске Донском. Таким



образом, система общественных работ, принимавших виды изготовления морских судов, пороха, оружия, осадных снарядов и т.п., а также выпас и охрана войсковых стад, заготовка провианта и др., в сочетании с частным характером боевого обеспечения, в условиях слабо-развитых товарно-денежных отношений и неидеальной рыночной инфраструктуры, вполне могла заменить систему денежного и товарного налогообложения, призванную, в конечном итоге, материально обеспечить осуществление общественно-полезных мероприятий.

Подводя итог всему ранее сказанному, мы можем констатировать наличие в XVI–XVII вв. в Войске Донском очень своеобразной, резко отличающейся от систем хозяйствования всех соседних народов, многовекторной экономической системы, которая, даже с учетом своих существенных недостатков, в рассматриваемый период была вполне способна обеспечить не только физическое существование в донском степном регионе большего или меньшего количества донских казаков, но и их организационное единство, в отсутствие которого, в свою очередь, в подобном виде донская экономика вряд ли могла длительное время сохраняться. Несмотря на наличие среди основ экономики Войска Донского зависящего от властной воли Московского правительства государева жалованья, этот способ добычи средств к существованию по результатам проведенного его количественного и качественного анализа все же не может быть назван основным.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов О. Казацьи войска Российской империи. Юг России. М., 2002.
2. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. 1. — Новочеркасск, 1891.
3. История Донскаго Войска, Владимира Броневскаго. Часть первая. СПб., 1834.
4. Донские дела. Кн. 1. — СПб., 1898.
5. Донские дела. Кн. 2. — СПб, 1903.
6. Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889.
7. Записная книга московского стола 7179 (1671) года // Хрестоматия по истории Подонья и Приазовья. Книга первая (с древнейших времен до XVII столетия). Ростов-на-Дону: Ростовское областное книгоиздательство, 1941.
8. Золотых В.В. История судов на Дону. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 2004.
9. История Дона с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1965.
10. Казачий словарь-справочник. Т. I. Кливлэнд, Охайо, США, 1966. Рескриптное издание.
11. Картины былого Тихаго Дона. Краткий очерк истории Войска Донского для чтения в семье, школе и войсковых частях. СПб., 1909.
12. Козлов А.И. Возрождение казачества. История и современность. (Эволюция, политика, теория). Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1995.
13. Лукин Б.В. Очерки истории Подонья — Приазовья. Книга II. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1951.
14. Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1998.
15. Отписка астраханских воевод в Москву 5 сентября 1627 г. // Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1998.
16. Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков и донское казачество. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1983.
17. Русская старина. Карманная книжка для любителей отечественнаго, на 1825 год. Изданная А. Корниловичем. СПб., 1824.
18. Скрипов А.Н. На просторах Дикого поля. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1973.
19. Статистическое описание земли донских казаков, составленное в 1822–32 годах. Новочеркасск, 1891.

20. Статистическое описание области Войска Донского. Составил член-секретарь Областного войска Донского Статистического Комитета коллежский советник Семен Номикосов. Новочеркасск: Областная Войска Донского Типография, 1884.
21. Тушин Ю.П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М.: Наука, 1978.
22. Шолохов Л.Г. Дон и Азовское море. Новочеркасск, 1993.
23. Щелкунов С. Донские атаманы первой половины XVII века // Сборник Областного Войска Донского Статистического Комитета. Выпуск XIII. Новочеркасск: Частная Донская Типография, 1915.
24. Янчевский Н. Колониальная политика на Дону торгового капитала Московского государства в XVI–XVII вв. Ростов-на-Дону, Северный Кавказ, 1930.